

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

ИЗДАВАЕМЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ УПРАВЛЯЮЩАГО ОТДѢЛЕНІЕМЪ

Барона **В. Р. Розена.**

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

1888.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТАБЛИЦЪ.)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1889.

впотої релігійної організації, даєть намъ право отнести возникновение самого учения по крайней мѣрѣ на нѣсколько вѣковъ назадъ, что опять сходится съ преданіемъ и подтверждается буддійскими источниками. Полный текстъ упомянутыхъ надписей данъ Бюлеромъ въ Вѣнскомъ Восточномъ Журналѣ вмѣстѣ съ специальнымъ изслѣдованіемъ вопроса объ ихъ отношеніи къ преданію¹⁾.

С. О.

79. Alberuni's India. An account of the religion, philosophy, literature, chronology, astronomy, customs, laws and astrology of India about A. D. 1030. Edited in the arabic original by Dr. Edward Sachau, London, Trübner & Co. 1887. XLII + 144 pp. 4°.

Если изданіе самыхъ важныхъ памятниковъ старины составляетъ счастье филолога, то современные арабисты имѣютъ полное право считать себя счастливейшими изъ смертныхъ. Не проходитъ почти года безъ новаго капитальнаго изданія. Мы можемъ всѣ теперь изучать на досугѣ массу первоклассныхъ сочиненій, пользованіе которыми для нашихъ предшественниковъ было или сопряжено съ большими затрудненіями или же было совершенно невозможно. Среди всѣхъ этихъ изданій «Индія» *Бируни*, которая теперь лежитъ предъ нами благодаря многолѣтнимъ трудамъ профессора Сахау, всегда сохранитъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Появленія ея ждали съ нетерпѣніемъ не только арабисты, но и санскритисты или вообще индологи, и послѣдніе можетъ быть съ еще бѣльшимъ нетерпѣніемъ, чѣмъ первые. Полная оцѣнка всего научнаго значенія знаменитаго произведенія Бируни по самому существу дѣла можетъ быть сдѣлана только индологомъ и будетъ сдѣлана безъ сомнѣнія, коль скоро выйдетъ обѣщанный издателемъ англійскій переводъ. Намъ арабистамъ остается только радоваться тому, что въ нашей средѣ нашелся челоуѣкъ, способный на изданіе и переводъ бируниевой Индіи, и что въ литературѣ, которую мы изучаемъ, нашлось такое сочиненіе, которое предназначено сдѣлаться предметомъ удивленія и старательнѣйшаго изученія для нашихъ коллегъ по изслѣдованію азіатской цивилизації. Но помимо своего значенія для специалистовъ-индологовъ, бируниева Индія представляетъ еще и другой интересъ²⁾,

---

1) Bühler, G. On the authenticity of Jaina tradition. V. O. J. I. pp. 165 sqq. О новой надписи см. Bühler, G. A new Kanishka Inscription. Academy, March 3. 1888. p. 155.

2) Въ извѣстной степени это относится также и къ его хронологіи, изданной недавно тѣмъ-же неутомимымъ труженикомъ, равно какъ и къ другимъ его сочиненіямъ.

далеко выходящій за предѣлы одной какой нибудь спеціальности, какъ бы она ни была важна сама по себѣ. Это — памятникъ единственный въ своемъ родѣ и равнаго ему нѣтъ во всей древней и средневѣковой научной литературѣ Запада и Востока. Отъ него вѣетъ духомъ критики безпристрастной, вполне свободной отъ религіозныхъ, расовыхъ, національныхъ или кастовыхъ предразсудковъ и предубѣждений, критики осторожной и осмотрительной, блистательно владѣющей самымъ могущественнымъ орудіемъ новой науки, т. е. *сравнительнымъ методомъ*, критики, ясно понимающей предѣлы знанія и предпочитающей молчаніе выводамъ, построеннымъ на недостаточно многочисленныхъ или недостаточно проверенныхъ фактахъ, отъ него вѣетъ шириною взглядовъ по истинѣ поразительной — однимъ словомъ, вѣетъ духомъ настоящей науки въ современномъ смыслѣ слова. Въ немъ, далѣе, слышится еще и душа, жаждущая истины и алчущая правды, ставящая правду выше всего и стремящаяся къ истинѣ неуклонно и неустанно, душа *способная* многое прощать потому, что она многое понимаетъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ свободная отъ мечтательнаго идеализма и ясно сознающая, какъ далеко «толпа» всегда и вездѣ была, есть и будетъ отъ идеала, и какъ мало число избранниковъ, приближающихся, хотя бы только въ нѣкоторой степени, къ нему потому лишь, что они къ нему стремятся всѣмъ помышленіемъ своимъ. А что *такое* произведеніе могло явиться въ *то* время, *когда* оно появилось, что *такой* авторъ могъ выйти изъ *той* среды, изъ *которой* онъ вышелъ, что *такой* памятникъ могъ быть написанъ на *томъ* языкѣ, на *которомъ* онъ былъ написанъ — вотъ въ чемъ заключается громадный общеисторическій интересъ бируниевой Индіи, вотъ почему всякому историку, по нашему крайнему разумѣнію, непременно слѣдовало бы ознакомиться съ ней. Онъ можетъ безъ ущерба для дѣла пропустить всѣ частности, астрологическія, астрономическія, хронологическія и пр. и пр., которыя останавливаютъ на себѣ вниманіе специалиста, но онъ многому и многому научится, вникая въ отношеніе къ этимъ частностямъ автора, наблюдая его приемы, изучая его методъ.

Бируни родился въ 362 (972/3) г., въ городѣ Хорезмѣ, древней столицѣ страны того-же имени, въ предѣлахъ нынѣшняго хивинскаго ханства, состоялъ нѣкоторое время на службѣ у джорджавскаго владѣтеля Кабуса, сына Вашмгира, и у хорезмійскаго Мамуна, сына Мамуна, и послѣ покоренія Хорезма Махмудомъ Газневидомъ въ 408 (1017) г. переселился въ столицу послѣдняго, Газну, гдѣ онъ и окончилъ рукопись «Индіи» въ 1030 году. Умеръ онъ около 1048 г. Мы имѣемъ лишь очень скудныя свѣдѣнія объ обстоятельствахъ его жизни, да и изъ громадной массы

его трудовъ¹⁾ только не многіе сохранились. Онъ занимался съ особенною любовью науками математическими, астрономіей, хронологіей, физической географіей, и предавался наукѣ вполне безкорыстно: когда за посвященіе султану Масуду своего «Канона Масудіева» онъ получилъ въ награду слоновый выюкъ серебра, онъ всё эти деньги послалъ назадъ въ казну. Такъ рассказываетъ про него Шахразури. «Его рука», продолжаетъ тотъ же авторъ, «почти не разлучалась съ перомъ, ни-же его глазъ съ наблюденіемъ, умъ съ размышленіемъ».

Счастливая судьба сохранила намъ самое капитальное его сочиненіе, его «Индію», или, какъ онъ самъ его озаглавилъ: «точное изложеніе индійскихъ представленій, какъ удобопринимаемыхъ такъ и отвергаемыхъ разумомъ». И, что еще замѣчательнѣе, сохранилось оно въ рукописи рѣдкой доброкачественности, списанной въ 554 (1159) съ автографа автора. Эта драгоценная рукопись принадлежитъ къ столь богатой всякими сокровищами коллекціи Ch. Schefer'a, и что ея владѣлецъ въ теченіи цѣлыхъ 14 лѣтъ оставлялъ ее въ полномъ распоряженіи издателя — это одна изъ важныхъ услугъ, оказанныхъ имъ наукѣ.

Своеобразная культура Индіи безъ сомнѣнія привлекала вниманіе нашего автора еще раньше его переселенія въ Газну, и онъ во всякомъ случаѣ успѣлъ изслѣдовать всё, что только существовало тогда въ арабской и персидской литературахъ по этой части. Но для его пытливаго ума всё это конечно должно было казаться совершенно ничтожнымъ, и вотъ этотъ мусульманинъ начала 11-го вѣка, этотъ уроженецъ хивинскаго ханства, принимается на 45 году жизни за изученіе санскритскаго языка съ цѣлью составить себѣ дѣйствительно точное и вѣрное представленіе объ индійской цивилизаціи. Но и этого мало: изучивъ индійскую культуру, онъ, не довольствуясь достигнутой имъ возможностью просвѣщать мусульманскій міръ путемъ многочисленныхъ переводовъ съ санскритскаго языка на арабскій, пожелалъ также содѣйствовать распространенію среди индійцевъ здравыхъ научныхъ понятій и съ этой цѣлью перевелъ санскритскими стихами (словами) «Элементы» *Эвклида*, «Алмагестъ» *Птолемея* и одинъ свой трактатъ объ астрологіи! Издатель, проф. Сахау, замѣчаетъ совершенно основательно, что эти результаты могли быть достигнуты только при помощи ученыхъ *пандитовъ*, что переводы, какъ съ санскритскаго языка на арабскій, такъ и съ арабскаго на санскритскій, дѣлались въ значительной мѣрѣ не самими Бируни, а имъ со словъ пандитовъ, или пандитами съ его словъ. Но вмѣстѣ

---

1) До насъ дошелъ составленный имъ же списокъ ихъ. См. Chronologie orientalischer Völker etc. p. XXXVIII и сл.

съ тѣмъ проф. Сахау вѣскими доводами устанавливаетъ несомнѣнный фактъ, что Бируни успѣлъ ознакомиться съ фонетикой какъ классическаго санскритскаго такъ и мѣстнаго живаго языка, и усвоилъ себѣ главныя характерныя черты строя санскритской рѣчи, такъ что онъ напр. былъ въ состояніи переводить списки собственныхъ именъ въ Пуранахъ даже безъ посторонней помощи. ...За тѣмъ, съ теченіемъ времени, онъ набилъ себѣ руку такъ, что былъ въ состояніи контролировать своихъ пандитовъ, ибо онъ безъ сомнѣнія зналъ множество отдѣльныхъ словъ, особенно всѣ техническіе термины, и его критическій умъ подмѣчалъ всѣ частности литературной традиціи, какъ-то: метрическую форму индійскихъ книгъ или порчу рукописей отъ небрежности переписчиковъ¹⁾». Всякій признаетъ, что даже съ этими оговорками подвигъ, совершенный Бируни, изумителенъ и требовалъ желѣзной воли, страшной усидчивости и громаднаго такта. Не забудемъ, что Бируни приходилось преодолевать не только обыкновенное естественное нежеланіе индійцевъ посвящать нечистаго варвара въ тайны своей мудрости, но и усугубленное отвращеніе, которое они должны были питать къ мусульманину, единовѣрцу и, въ добавокъ, слугѣ того самого султана Махмуда, который разгромилъ всю сѣверную Индію несслыханнымъ дотогѣ образомъ, такъ что несчастные ея обитатели стали, по выраженію самого же Бируни, «притчей во языцѣхъ и пылинками, разсыпанными по воздуху», который стеръ съ лица земли ихъ священнѣйшихъ идоловъ и самыя науки ихъ въ завоеванныхъ областяхъ уничтожилъ до гла, такъ что онѣ должны были искать убѣжища въ Бенаресѣ и Кашмирѣ, недоступныхъ свирѣпому завоевателю²⁾. Нашъ авторъ всѣ эти препятствія, имъ же весьма ясно и просто описываемыя на стр. 10—12, очевидно преодолѣлъ съ полнымъ успѣхомъ, чему доказательствомъ служить не только вся его книга, но и тотъ фактъ, что онъ получалъ научныя запросы отъ индійскихъ астрономовъ и «нѣкоторыхъ лицъ изъ Кашмира» и отвѣчалъ на нихъ въ специальныхъ трактатахъ³⁾. Причиной этого успѣха были главнымъ образомъ личныя качества этого великаго человѣка. Его искренняя жажда знанія, его безпристрастная оцѣнка сообщаемыхъ ему фактовъ, его пламенное желаніе дѣлиться своими знаніями съ индійцами, конечно, должны были открыть ему до извѣстной степени сердца гордыхъ своей таинственной мудростью — единственнымъ оставленнымъ имъ по неволѣ достояніемъ — браминовъ, но тутъ играли роль еще и нѣкоторыя особыя обстоятельства. Востокъ всегда относился съ безусловнымъ уваженіемъ къ наукѣ и ея предста-

1) Preface XIV—XV.

2) Текстъ, стр. 11, 9—12.

3) Preface XX.

вителямъ, — онъ только придаетъ слову «наука» нѣсколько другое значеніе, чѣмъ мы, болѣе узкое съ одной стороны, болѣе возвышенное съ другой. Онъ не признаетъ человѣкомъ науки того, кто разроетъ курганы, спишетъ надписи — это кладойскатель, ни-же того, кто явится съ цѣлой свитой вооруженныхъ съ ногъ до головы людей со всякаго рода подозрительными инструментами и съ караваномъ навьюченныхъ животныхъ — это предвѣстникъ ноземнаго завоевателя или, въ лучшемъ случаѣ, купецъ, но онъ непременно почтитъ высшимъ своимъ титуломъ «мужа науки» скромнаго странника, ищущаго «свѣта истины» въ бесѣдахъ о «божественныхъ» предметахъ, избѣгающаго общества «великихъ міра сего», и помышляющаго только о «познаваніи» Божества, путемъ-ли созерцанія и укрощенія страстей или путемъ изученія Богооткровенныхъ книгъ. Такимъ истиннымъ «мужемъ науки» нашъ авторъ очевидно казался своимъ учителямъ-индійцамъ, если они считали возможнымъ посвящать его въ тайны своего священнаго языка и своихъ вѣрованій. На почвѣ именно *суфійскаго* ученія, представляющаго не мало чертъ сходныхъ съ индійскими представленіями¹⁾, должно было состояться первоначальное сближеніе. Много ему конечно помогали также и его астрономическія и астрологическія знанія: на этой до извѣстной степени нейтральной почвѣ сближеніе ученика съ учителями продолжалось такъ успѣшно, что оно въ концѣ концовъ завершилось не только полнымъ довѣріемъ индійцевъ, но и формальнымъ признаніемъ съ ихъ стороны превосходства Бируни въ нѣкоторыхъ спеціальныхъ отрасляхъ науки, выразившимся въ наивномъ утвержденіи, что онъ свои астрономическія свѣдѣнія заимствовалъ у неизвѣстнаго имъ индійскаго мудреца, котораго имя они неоднократно просили имъ указать²⁾.

Бируни былъ, какъ мы видѣли, «специалистъ» по математическимъ наукамъ. Не смотря на количественную незначительность тогдашней «спеціальной» литературы, сравнительно съ тѣми размѣрами, до которыхъ выросла научная производительность въ наше время, мы все-таки должны признать, что и тогда уже такая спеціальность какъ астрономія или математика должна была поглотить всё вниманіе, всё время и всё силы обыкновеннаго, средняго человѣка, и если мы примемъ во вниманіе какую массу времени тогда тратили ученые на переписываніе книгъ, на сличеніе плохихъ копій съ оригиналами или на крайне трудное возстановленіе, путемъ тяжелаго умственнаго труда, смысла въ плохихъ копіяхъ, когда не было хорошихъ списковъ, то мы можемъ смѣло утверждать, что условія, въ кото-

1) Бируни верѣдко проводитъ параллель между ними, см. напр. стр. 29, 3, 31, 3, 34, 13, 37, 19, 40, 18, 43, 3, 177, 21.

2) Preface XV и цитованныя тамъ мѣста текста.

рыхъ находился «спеціалистъ» въ то время, въ сущности были тѣже самыя, въ какихъ онъ находится теперь. И ставъ на такую точку зрѣнія, мы опять должны будемъ признать въ нашемъ авторѣ научную силу самого высшаго разбора, когда мы убѣдимся, какъ широко онъ понялъ свою задачу и какъ добросовѣстно онъ ее исполнилъ. Его «спеціальность» конечно должна была отразиться на его книгѣ: мы видимъ, что добрая ея половина посвящена именно астрономическимъ и хронологическимъ изысканіямъ. Но «спеціальные» вкусы Бируни не лишили его, какъ это бываетъ сплошь да рядомъ, способности видѣть и понимать значеніе того, что въ эту спеціальность не входитъ. Онъ превосходно понимаетъ, что не астрономическими одними воззрѣніями живетъ народъ, что для правильной оцѣнки его надо идти дальше и изслѣдовать *весь* его бытъ и *всю* проявленія его духовной жизни. И вотъ онъ съ одинаковою любовью изслѣдуетъ теоретическую сторону индійской религіи, ея отвлеченныя представленія о Божествѣ, и практическую ея сторону, обряды, культъ; онъ ясно изображаетъ особенности индійскаго общественнаго строя и отчетливо понимаетъ всё значеніе его для духовной жизни народа. Онъ тщательно собираетъ и сообщаетъ намъ всё доступныя ему свѣдѣнія о литературѣ индійской, религіозной, философской, поэтической, юридической, астрономической, астрологической, математической; онъ не забываетъ при этомъ указать и на внѣшнюю сторону т. е. на матеріаль, на которомъ и которымъ книги пишутся, на форму литературныхъ произведеній и на условія ихъ сохраненія и передачи. Онъ описываетъ нравы и обычаи индійцевъ и даетъ подробный географическій обзоръ Индіи, и вездѣ, о чемъ бы онъ ни говорилъ, онъ остается тѣмъ-же самымъ хладнокровнымъ, гуманнымъ, критическимъ наблюдателемъ, отдѣляющимъ грубыя, конкретныя представленія толпы отъ лежащихъ въ основаніи ихъ возвышенныхъ, отвлеченныхъ идей, освѣщающимъ и объясняющимъ наблюдаемыя имъ явленія искусными параллелями, взятыми изъ жизни другихъ культурныхъ націй древняго и новаго міра, провѣряющимъ приводимыя имъ свѣдѣнія и оцѣнивающимъ ихъ значеніе безпристрастно и осторожно, не увлекаясь симпатіями и антипатіями, не удивляясь кажущейся дикости и не восторгаясь черезъ мѣру кажущеюся глубиною и возвышенностью.

Чтобы вполнѣ оцѣнить все величіе такого явленія, мы должны перенестись мыслью въ современную Бируни Европу. Византійская имперія съ одной стороны, Италия и Испанія съ другой жили бокъ о бокъ съ такой же чуждой имъ цивилизаціей, какой была индійская для мусульманина. Изученіе ея, казалось бы, должно было представлять какъ для Византіи, такъ и для Италии и Испаніи, большой, животрепещущій интересъ. Убѣжденіе, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ эта иновѣрческая и инородче-

ская культура стояла выше тогдашней христіанской, было несомнѣнно распространено между передовыми людьми Европы; особенныхъ препятствій при посѣщеніи мусульманскихъ странъ и изученіи мусульманской цивилизаціи не было, благодаря постояннымъ сношеніямъ, торговымъ и политическимъ связямъ и массѣ жившихъ въ этихъ странахъ христіанъ. И тѣмъ не менѣе мы ничего подобнаго подвигу Бируни не видимъ въ средневѣковой Европѣ. Вздвигли, правда, отдѣльныя личности¹⁾ къ «маврамъ» въ Испанію, чтобы поучиться математикѣ, медицинѣ, алхиміи или астрономіи; переводили, правда, разныя арабскія сочиненія по этимъ наукамъ на латинскій языкъ, но мы не имѣемъ никакихъ доказательствъ, чтобы кто нибудь изъ этихъ лицъ дѣйствительно изучалъ серьезно арабскій языкъ — переводы дѣлались при посредничествѣ услужливыхъ евреевъ —, не говоря уже о какихъ-либо попыткахъ изучать всю мусульманскую культуру и проникать въ ея сущность безъ предвзятыхъ мыслей, *sine ira et studio*. Такихъ попытокъ и не могло быть, ибо тогдашняя Европа была совершенно неспособна относиться безпристрастно къ чужой вѣрѣ, къ чужой культурѣ, къ чужой расѣ. Только спустя почти 2 столѣтія мы находимъ въ Европѣ величавую фигуру Фридриха II, Гогенштауфена, который имѣетъ нѣкоторое право быть поставленнымъ рядомъ съ Бируни; но если взвѣсить всѣ условія и обстоятельства, мы всё-таки должны будемъ признать превосходство хивинскаго астронома надъ вѣнценоснымъ германо-итальянскимъ философомъ.

Издатель въ своемъ предисловіи (р. XXXVII) уподобляетъ Бируни «a solitary rock in the ocean of Arabic literature». Съ этимъ опредѣленіемъ мы никакъ не можемъ согласиться безъ оговорки, какъ съ нимъ не соглашается и авторъ рецензіи на это изданіе въ *Litterär. Centralbl.* 1888, № 8. Мы можемъ, правда, признать Бируни горною вершиной — чтобы оставаться при картинномъ выраженіи проф. Сахау —, но мы должны вмѣстѣ съ тѣмъ признать, что эта вершина не стоитъ въ одинокомъ величіи среди голой пустыни и не появилась вдругъ изъ бездны океана вслѣдствіе какого нибудь неожиданнаго, насильственнаго поднятія почвы. Совсѣмъ напротивъ: эта высшая вершина окружена цѣлымъ рядомъ пиковъ, горъ и холмовъ; къ ней ведутъ правильныя террасы и подъемы, образовавшіеся въ теченіе четырехъ вѣковъ путемъ тяжелой культурной работы. Не всѣ еще фазисы этой работы намъ теперь отчетливо видны, но мы съ такимъ-же правомъ по различнымъ признакамъ и слѣдамъ можемъ дѣлать о ней выводы и заключенія, съ какииъ геологи заключаютъ о постепенномъ поднятіи почвы и образованіи

1) Самый интересный примѣръ, приведенный также и *Амарі* въ *Giornale della Società As. Ital.* I, p. 89 — Гербертъ, въ послѣдствіи папа Сильвестръ II.

горныхъ хребтовъ по сохранившимся слѣдамъ и признакамъ. Четыре вѣка— періодъ недолгой въ исторіи поверхности земнаго шара, но четыре вѣка, при извѣстныхъ выгодныхъ условіяхъ, періодъ очень долгой въ исторіи духовной жизни человѣчества. Первые-же четыре вѣка послѣ «переселенія» арабскаго пророка изъ Мекки въ Медину во многихъ отношеніяхъ представляли невыгоднѣйшія условія для успѣшной культурной работы. Да не подумаетъ читатель, что мы принадлежимъ къ безусловнымъ поклонникамъ ислама и арабовъ и самостоятельной культурной силы этихъ двухъ историческихъ факторовъ. Мы вполне признаемъ *сравнительную* скудость и малосодержательность мухаммедовой религіи, неопрятность нравственной фізіономіи ея основателя, равно какъ и односторонность блестящаго дарованія арабской расы. Но не въ одномъ *Мухаммедѣ* и его *идеяхъ* сила, и не въ одномъ *арабскомъ* духѣ суть значенія того великаго историческаго переворота, котораго начало хронологически точно относится къ 16 іюля 622 г. Сила и суть его въ томъ, что онъ заронилъ новый ферментъ въ застоявшуюся массу древнихъ культурныхъ расъ, выпустилъ на арену свѣжихъ борцовъ, еще не зараженныхъ той, такъ сказать, гипертрофіей мысли, которой несомнѣнно начинаютъ страдать культурные ветераны, когда они слишкомъ долго остаются безъ подкрѣпленія новобранцами, необученными еще по всѣмъ правиламъ искусства, но сильными физической бодростью и страстной «прямолинейностью» молодости.

Политическіе организмы, съ которыми пришлось встрѣтиться исламу и арабамъ при первыхъ же шагахъ ихъ за предѣлами арабскаго полуострова, не выдержали натиска извнѣ, такъ какъ они уже давно страдали хроническимъ внутреннимъ разстройствомъ, и изъ нихъ одинъ — персидская монархія — совершенно погибъ, другой — византійская имперія — былъ принужденъ отказаться отъ лучшихъ и богатѣйшихъ своихъ владѣній въ Азіи и Африкѣ. Но *духовныя* силы этихъ двухъ государствъ, очевидно не могли погибнуть вмѣстѣ съ ихъ политической организаціей. Онѣ *должны* были воскреснуть въ той или другой формѣ, и онѣ *дѣйствительно* воскресли послѣ нѣкотораго перерыва. Продолжительность этого перерыва была неодинакова для всего культурнаго содержанія византійско-персидской цивилизаціи, но можно сказать, что спустя приблизительно 150 лѣтъ послѣ гуджры, процессъ смѣшенія старинной переднеазиатской культуры съ новыми арабскими идеями и древнихъ осѣдлыхъ расъ съ свѣжими кочевыми пришельцами представляется завершеннымъ уже въ такой степени, что на историческую сцену выступаетъ новая, своеобразная при всѣхъ своихъ заимствованіяхъ, сильная при всѣхъ своихъ недостаткахъ, культура, носителемъ которой не были уже ни арабы, ни сирійцы, ни

копты, ни греки, ни персы, въ отдѣльности, а всѣ эти національности вмѣстѣ или, точнѣе, та новая, смѣшанная раса, которая образовалась изъ слиянія и смѣшенія всѣхъ этихъ народностей. Если мы эту новую культуру и эту новую расу называемъ *арабскими*, то мы это дѣлаемъ съ одной стороны ради краткости — нельзя-же вѣдь употреблять терминъ «греко-персиро-копто-еврейско-арабская раса или культура» —, а съ другой ради того, что *литературнымъ* языкомъ этой расы и этой культуры оказался именно *арабскій* языкъ, т. е. тотъ языкъ, который до тѣхъ поръ не имѣлъ литературы. Этотъ фактъ, самъ по себѣ уже весьма знаменательный, получаетъ особое, сугубое значеніе благодаря тому, что *торжество* арабскаго языка окончательно утверждается именно въ то время, когда внѣшняя, грубая сила арабской расы терпитъ окончательное *пораженіе*, т. е. во время перехода власти отъ династїи Омейядовъ къ Аббасидамъ. Успѣхомъ своимъ Аббасиды, какъ извѣстно, обязаны были главнымъ образомъ поддержкѣ персидской національности, особенно персовъ восточныхъ провинцій древняго сассанидскаго государства, т. е. тѣхъ самыхъ областей, въ коихъ иранскій духъ всегда держался и защищался съ наибольшей энергіей. Политическій перевѣсъ, который получилъ персидскій элементъ при первыхъ халифахъ новой династїи, имѣлъ глубокое вліяніе на всю дальнѣйшую судьбу мусульманскаго востока. Онъ, между прочимъ, далъ точку опоры, вокругъ которой могли группироваться всѣ недовольные, *не арабскіе* элементы пестраго населенія мусульманской имперїи, которые всѣ въ одинаковой мѣрѣ страдали отъ высокомерія арабовъ, но которые всё-таки до извѣстной степени ужились съ исламомъ и не прибѣгали къ открытому возстанію. И вотъ начинается упорная духовная борьба всѣхъ неарабовъ съ арабскою національнію, и эта борьба есть одна изъ самыхъ характерныхъ чертъ, одно изъ самыхъ знаменательныхъ «вѣяній» въ литературной дѣятельности 2-го и 3-го вѣка гиджры, и не принимать ея въ разчетъ при изслѣдованіи исторїи арабской литературы значитъ лишить себя всякой возможности правильно понимать развитіе этой литературы. Борьба должна была однако вестись на арабскомъ языкѣ, потому что арабизація издревле семитскихъ по языку важнѣйшихъ переднеазиатскихъ странъ, равно какъ и сильно пропитанныхъ семитизмомъ Египта и западной Персїи, успѣла уже весьма значительно подвинуться впередъ и продолжалась непрерывно, посягая даже на искони арійскій Хорасанъ и просачиваясь въ самое индійское Пятирѣчье. Объясненія этому явленію, столь рѣзко отличающему вторженіе арабскихъ варваровъ отъ другихъ, подобныхъ же на первый взглядъ, варварскихъ вторженій въ цивилизованныя земли — напр. монголовъ и манжуровъ въ Китай, германцевъ въ Италію и Галлію и пр. —, слѣдуетъ конечно искать въ

томъ, что арабы, будучи несомнѣнными варварами въ сравненіи съ греками, персами, коптами, индійцами, сирійцами, не были однакоже безусловными варварами и не явились съ совершенно пустыми руками. Христіанскія и еврейскія вліянія проникали въ Аравію за долго до ислама съ сѣвера и съ юга, письменность существовала уже, хотя бы и въ ограниченныхъ размѣрахъ, языкъ успѣлъ выработаться въ значительной степени, хотя бы и въ нѣсколько одностороннемъ направленіи, преданія старины, хотя бы и не національной, а племенной, цѣнились и тщательно хранились, формы общественнаго устройства мѣстами далеко возвышались надъ первобытностью, и всѣ эти зародыши и задатки наконецъ увѣнчались появленіемъ «пророка» и новой религіи. Такимъ образомъ арабы явились носителями новой, грандіозной по своей простотѣ и несложности религіи, которая тѣмъ болѣе пришлась по вкусу массахъ, изнемогавшимъ подъ гнетомъ религіозныхъ преслѣдованій и распрей, что она почти вездѣ являлась также и освободительницей массъ отъ тяжелаго иноземнаго экономическаго ига. При этомъ для христіанъ всѣхъ отгѣнковъ, равно какъ и для евреевъ, она представлялась далеко не воплію чуждою: главный фундаментальный догматъ — единство Божіе — она раздѣляла съ ними; она выдѣляла ихъ рѣзко изъ массы языческой, признавая ихъ вѣры какъ бы предвозвѣстницами ислама, переходными ступенями, ведущими неизбежно къ нему. Такимъ образомъ евреи и христіане въ этой новой вѣрѣ слышали родственные, знакомые имъ мотивы, совершенно также, какъ въ арабской рѣчи и спрійцы и месопотамцы слышали родственные семитскіе звуки. Поэтому мы и видимъ, что и исламъ и арабскій языкъ принимались особенно успѣшно именно въ земляхъ искони семитскихъ по расѣ — или пропитанныхъ семитизмомъ — и христіанскихъ по религіи, а сравнительно весьма туго въ земляхъ арійскихъ, гордившихся «чистой вѣрой» Зороастра или «лотусомъ доброй вѣры» Сакьямуни. Что въ *этихъ* земляхъ, или по крайней мѣрѣ въ наиважнѣйшей и культурнѣйшей изъ нихъ, т. е. въ Хорасанѣ, обращеніе массъ въ исламъ совершилось только въ половинѣ 2-го вѣка гижры, — этому мы къ счастью имѣемъ прямое доказательство въ одномъ древнемъ астрологическомъ трактатѣ Ибн-аби-Тâхира *طاهر ابن ابى* (вѣроятно = *Тайфѣра* + 280 г. г.)¹⁾, прямо

1) Cod. Mus. Britt. Add. 7473, fol. 60^a: تحويل قران الدولة العربية في الأئمة

الهاشمية... الحكم على ذلك وجدت الطالع برج الحوت واخرا (؟ او اخر или اخر =) الدلو مطابقة او اخر الحوت و اول الحمل موضع الانقلاب العام للزمان الى مبادئ سنى العالم في رووس السنين مكان الربع الربيعى في مبداء سنة الشمس الشمسية فلذلك

относящаго массовое обращеніе хорасанцевъ ко времени пресловутаго алидскаго агитатора Абу Муслима, плодами дѣятельности котораго, какъ извѣстно, воспользовались Аббасиды.

Если хорасанцы приняли исламъ, на который была надѣта маска, ¹⁾ придуманная Абу Муслимомъ, и слѣдовательно уже по этому должны были внести въ него много такого, чего въ немъ не было, то на западѣ еще гораздо раньше началось, такъ сказать, проростаніе новой арабской вѣры чуждыми Мухаммеду элементами ²⁾, и вмѣстѣ съ этимъ естественный ростъ и развитіе «посѣянныхъ» имъ идей, которыя въ первоначальномъ своемъ видѣ оказались уже не достаточно опредѣленными, и не достаточно содержательными для измѣнившихся, непредвидѣнныхъ условій жизни. Обаяніе личности Мухаммеда при его жизни задерживало развитіе мысли, его авторитетъ въ зародышѣ убивалъ возраженія и разрѣшалъ сомнѣнія, но его смерть дала сигналъ къ общему отпаденію. Возстаніе было подавлено потоками крови, благодаря желѣзной энергіи Абу Бекра, и единство въ извѣстной степени было поддержано еще 10 лѣтъ, благодаря великимъ качествамъ Омара, но послѣ «двухъ шейховъ» дѣло *арабскаго* ислама, ислама мухаммедова, было потеряно безвозвратно и начинается созиданіе другаго ислама, *ислама мирового*. Первые шаги на этомъ пути несомнѣнно были сдѣланы самими арабами, среди которыхъ, при всемъ преобладаніи весьма скептически въ религіозномъ отношеніи и вполнѣ эпикурейски въ другихъ отношеніяхъ настроеннаго большинства, всегда существовало меньшинство способное на

دَلَّ عَلَى الْإِنْتِقَالِ الْكَلِّيِّ فِي الدِّينِ وَالْمَلِكِ وَ انْتِقَالَ عَامٍ فِي هَذَا الْقُرْآنِ فَلِذَلِكَ
انْتَقَلَتِ الدَّوْلَةُ عَنْ بَنِي أُمَيَّةَ إِلَى بَنِي الْعَبَّاسِ فِيهِ وَ انْتَقَلَ دِينَ الْمَجُوسِيَّةِ عَنِ الدِّهَاقِينَ
وَاسْلَمُوا فِي وَقْتِ أَبِي مُسْلِمٍ وَكَانَ الْإِنْتِقَالُ شَبِيهَا بِإِبْتِدَاءِ الْمَلَّةِ

Я не имѣю претензій понимать первыя, астрологическія строки этого текста. Онѣ и не представляютъ особеннаго интереса. Ясно то, что въ извѣстной констелляціи арабскіе астрологи усматривали указаніе на «полный переворотъ въ вѣрѣ и власти». Затѣмъ нашъ авторъ продолжаетъ: ...«и вотъ по этому власть перешла при ней (т. е. при указанной констелляціи) отъ Омейядовъ къ Аббасидамъ и отошла въра маговъ отъ джжѣновъ и они приняли исламъ во время Абу Муслима и была эта перемѣна (вѣры) похожей на начало (новой) религіи (т. е. по важности и по значенію этотъ переворотъ можетъ быть уподобленъ перевороту вслѣдствіе основанія новой религіи). Подъ *джжѣнами* разумѣется персидская земельная аристократія, мелкая и крупная, т. е. именно самый вліятельный классъ населенія, отъ котораго безусловно зависѣли темныя массы.

1) Въ точности мы пока не знаемъ какими обѣщаніями или ученіями Абу Муслиму удалось переманить въ исламъ массы, но можно утверждать съ нѣкоторою вѣроятностью, что тутъ значительную роль играла идея воплощенія божества либо въ Мухаммедѣ, либо въ Аліѣ или его потомкахъ, либо въ самомъ Абу Муслимѣ.

2) Ср. замѣчательныя слова Бируни о внесеніи чужихъ элементовъ въ исламъ при Мухаммедѣ и *послѣ* него; стр. 132, 5—14.

величайшій религиозный энтузіазмъ и на высшіе подвиги самоотверженія и самоотреченія. Это меньшинство, въ нравственномъ отношеніи на столько-же стоявшее выше своего пророка, насколько оно въ умственномъ было ниже его, стало сравнивать дѣйствительное положеніе вещей съ тѣмъ, которое оно себѣ представляло какъ необходимое слѣдствіе увѣрованія въ единого Бога и его пророка. Оно нашло конечно громадную разницу между идеаломъ и реальностью, пыталось себѣ объяснить причину и нашло ее безъ особеннаго труда въ томъ, что мірскія блага الرنبا получили опять перевѣсъ надъ «Божьимъ дѣломъ» у большинства «вѣрующихъ». Не долго думая — эти люди были неспособны анализировать, взвѣшивать — они объявили «вѣрующихъ» «гяурами», а себя настоящими мусульманами. Отсюда идетъ начало безкопечныхъ споровъ о «вѣрѣ» и «невѣрїи», о томъ, какъ относиться къ гяурамъ и кого считать таковыми: мысль начинаетъ шевелиться, сомнѣніе закрадывается въ головы. Между тѣмъ обстоятельства измѣняются весьма быстро. Правящіе классы, корейшитская аристократія, всё болѣе и болѣе отворачиваются отъ принциповъ Мухаммеда, племенные арабскія распри, никогда не прекращавшіяся совершенно, воскресаютъ съ новой силой среди собственно арабской массы, инородческіе элементы не смѣтными толпами «входятъ» въ «общину мухаммедову», подростаютъ новыя поколѣнія уже при совершенно другихъ условіяхъ. Является множество разнообразнѣйшихъ вопросовъ и сомнѣній и съ ними потребность въ разрѣшеніи ихъ путемъ размышленія и путемъ разспросовъ. Большая часть *этой* умственной работы совершается не прямыми потомками сподвижниковъ Мухаммеда — они слишкомъ заняты были войной, племенными распрями, администраціей, жуированіемъ — а болѣе привычными къ такой работѣ инородцами или бастардами, кліентами, *мавами*, какъ ихъ называютъ арабы, которые по этому и пожинаютъ львиную долю плодовъ ея, получая все большее и большее вліяніе на массы даже чистоарабскія ¹⁾. Массы же инородческія довольно скоро очнулись отъ охватившаго ихъ оцѣпененія: экономическій и соціальныи гнетъ, отъ котораго они мечтали освободиться принятіемъ ислама, не замедлилъ опять дать себя почувствовать въ нѣсколько измѣненномъ видѣ и породилъ глухую вражду противъ арабской расы, то и дѣло вспыхивавшую въ

1) Къ началу 2-го стол. г. напр. главные *факіхи* (т. е. духовные вожди и совѣтники массъ) во всѣхъ главныхъ городахъ не исключая даже Мекки и Медины, происходили изъ этого класса. См. разсказъ въ *Икдъ*, II, 91—92. Тотъ-же разсказъ съ нѣкоторыми вариантами въ оксфордск. рукоп. исторіи Абд ал-мелика ибн-Хабіба (cod. Marsh 288, p. 181; см. о немъ каталогъ Nicoll-Pusey p. 118 и 520) и въ сочиненіи *أصول الحديث* *Ибн-ал-Салâха ал-Шахразûри* (рук. Петерб. Универ. № 210, f. 105^b).

многочисленных мѣстныхъ возстанійхъ съ ясно національной подкладкой. Только въ одномъ отношеніи массы эти не ошиблись: религиозныхъ преслѣдованій за все время правленія Омейядовъ не было. Центральная власть не занималась отыскиваніемъ еретиковъ и ересей. Она ни мало не заботилась о спасеніи душъ своихъ подданныхъ, пока подати поступали исправно, и только тогда прибѣгала къ крутымъ мѣрамъ, когда еретики проповѣдывали открытый бунтъ, сами съ оружіемъ въ рукахъ хотѣли навязывать ей свои мнѣнія и убѣжденія,—что случалось довольно часто въ первое время, ибо юношески незрѣлые умы нѣкоторыхъ, особенно арабскихъ изъ этихъ сектаторовъ, очень легко переходили отъ слова къ дѣлу, — или когда подъ маской религиозныхъ вѣрованій скрывались несомнѣнно политическія или національныя стремленія. Съ теченіемъ времени узколюбые арабскіе фанатики стали являться рѣже и рѣже, и *мѣстныя* національныя и политическія возстанія замѣнялись подпольной работой алідскихъ эмиссаровъ, сулившихъ всѣмъ въ будущемъ, освобожденіе отъ всѣхъ страданій, но за то теоретическіе споры становились чаще, глубже, разностороннѣе, частью вслѣдствіе естественнаго роста мысли, частью подъ вліяніемъ вторгавшихся отовсюду чужихъ, христіанскихъ, еврейскихъ, индійскихъ, персидскихъ идей. Послѣднія даже успѣли создать совершенно особый типъ ислама, *шиитство*, которое впослѣдствіи раздѣлило «общину мухаммедову» на два непримиримо враждебныхъ другъ къ другу лагеря. Вскорѣ послѣ перехода власти въ руки Аббасидовъ, всё это движеніе мысли, это броженіе, получаетъ новый и весьма сильный толчекъ: начинается подъ покровительствомъ верховной власти систематическое пересаживаніе на арабскую ¹⁾ почву греческой философской мысли, греческой науки, отчасти при помощи *христіанскихъ* сирійцевъ. Является новая, труднѣйшая задача примиренія откровенныхъ религиозныхъ истинъ съ результатами «науки древнихъ». Загорается борьба на всей линіи и работа кипитъ. Проходитъ еще сто лѣтъ и исламъ находитъ въ лицѣ *Абу-л-Хасана ал-Ашъари* того духовнаго вождя, который его ведетъ къ побѣдѣ, побивая врага его же оружіемъ, приспособленнымъ къ защитѣ ислама съ замѣчательнымъ искусствомъ. Но побѣда конечно куплена дорогой цѣной, побѣда скорѣе по формѣ, чѣмъ по существу: исламъ теперь стоитъ на прочномъ фундаментѣ формальной логики, защищается цѣлыми баррикадами искусной діалектики, но онъ весьма далекъ отъ первоначальнаго ислама Мухаммеда съ его наивною простотой и непосредственной доступностью для массъ. Массы эти конечно не могли слѣдить за *восьми* перипетіями догматической борьбы, происходив-

---

1) Арабскую всё въ объясненномъ выше смыслѣ.

шей въ образованныхъ сферахъ, и не принимали непосредственнаго участія въ ней, но всё же среди нихъ происходило тоже сильное умственное движеніе; въ нихъ совершался обычный въ подобныхъ случаяхъ процессъ безсознательнаго перенесенія въ новую религію излюбленныхъ идей и образовъ старой, вливаніе новаго вина въ старые мѣхи. Результатомъ этой безсознательной работы массъ было, главнымъ образомъ, внесеніе двухъ элементовъ, если и не отсутствовавшихъ совершенно, то всё-же не игравшихъ никакой существенной роли въ исламѣ мухаммедовомъ, элемента *аскетическаго* и *мистическаго*. Дать этимъ двумъ элементамъ надлежащее мѣсто въ догматической системѣ ислама, опредѣлить ихъ значеніе, обосновать ихъ право на существованіе, охранить «общину мухаммедову» отъ крайностей, которыми они оба чреваты, было уже дѣломъ жившаго значительно позже (въ концѣ 5 в. г.) великаго «оживителя» вѣры, *ал-Газзали*, который отъ благодарныхъ современниковъ и потомковъ получилъ справедливое прозвище «аргумента ислама», ибо въ его твореніяхъ дѣйствительно исламъ, какъ самостоятельная религіозно-философская система, черпаетъ свои лучшіе аргументы, лучшія доказательства своего права на существованіе. Но самое названіе, придуманное этимъ великимъ мусульманиномъ для главнаго своего труда, «*Оживленіе наукъ вѣры*» показываетъ намъ ясно, что опасность была велика: исламъ видимо распозался подъ наплывомъ чуждыхъ его основателю идей и подъ вліяніемъ своеобразныхъ условій, въ которыхъ онъ очутился. *Ал-Газзали* воскресилъ его.

Спрашивается теперь: могла-ли вся эта интенсивная, не знавшая ни покоя ни отдыха, истинно лихорадочная борьба безконечно разнообразныхъ идей и элементовъ, происходившая въ добавокъ безъ внѣшнихъ стѣсненій¹⁾ въ теченіи 3-хъ, 4 вѣковъ, на искони культурнѣйшей почвѣ передней и средней Азіи и сѣверной Африки, оставаться бесплодной для участниковъ ея? Не должна-ли была она способствовать въ громадной степени къ расширенію умственнаго кругозора ихъ, развитію пытливости и страсти къ изслѣдованію всего того, что только поддавалось изслѣдованію? И не должны ли были эти именно качества содѣйствовать пороженію самостоятельныхъ взглядовъ, направленныхъ къ примиренію всѣхъ противорѣчій, появленію избранныхъ умовъ, стоявшихъ выше всѣхъ партій и умѣвшихъ возвыситься до представленія о томъ, что истина не есть привилегія

---

1) Попытки къ стѣсненію дѣлались перѣдко, но онѣ никогда не достигали сколько нибудь серьезнаго размѣра и поэтому въ счетъ идти не могутъ. Центральная власть была слишкомъ слаба и слишкомъ непослѣдовательна для проведенія *повсемѣстно* какихъ-нибудь крутыхъ мѣръ, а мѣстные властители никогда не были солидарны между собой въ подобныхъ вопросахъ.

какой-нибудь одной секты, монополія одной какой-нибудь касты, и что нельзя человѣку судить правильно о другихъ, пока онъ еще всецѣло опутанъ сѣтями своей собственной секты, касты, партіи, пока онъ еще способенъ въ полемикѣ съ своими противниками пользоваться приемами нечестными, клеветой и ложью? Априорный отвѣтъ на эти вопросы не можетъ быть сомнительнымъ, по нашему мнѣнію, но мы можемъ также утверждать, что даже въ извѣстныхъ до сихъ поръ памятникахъ этой, такъ сказать, «боевой» эпохи мусульманской культуры въ дѣйствительности находятся явные слѣды такой искренней жажды знанія, такого горячаго стремленія къ отысканію истины, гдѣ бы она ни скрывалась, такого безпристрастія въ національномъ и религіозномъ отношеніяхъ, и вообще такой ширины взглядовъ и способности къ критикѣ, что появленіе въ концѣ этой эпохи такого колосса какъ Бируни становится вполне понятнымъ. Мы должны себѣ до поры до времени отказать въ удовольствіи привести точныя доказательства этому положенію, основанному *главнымъ образомъ* на изученіи совокупности сохранившихся твореній одного изъ типичнѣйшихъ представителей литературы 3-го вѣка гиджры, *ал-Джахиза* ¹⁾, но мы глубоко убѣждены, что всѣ тѣ, которые изучали подробнѣе эту эпоху, согласятся съ нами. Изученіе и изданіе *всплзъ*, къ сожалѣнію немногочисленныхъ, сохранившихся памятниковъ 3-го вѣка гиджры составляетъ несомнѣнно одну изъ главныхъ *дезидератъ* современной науки и когда эта задача будетъ исполнена, тогда вполне опредѣленно и вышукло обрисуются фигуры дѣятелей подготовлявшихъ почву для «одинокаго утеса въ океанѣ арабской литературы». Самъ Бируни, который относится весьма строго къ столь распространенной слабости полемическаго пристрастія, всетаки указываетъ намъ одного своего старшаго современника и какъ будто даже учителя, нѣкоего *Абу-л-Аббаса ал-Ираншехри*, который отличался въ своихъ сообщеніяхъ о разныхъ религіяхъ полнымъ безпристрастіемъ. «Онъ отлично изложилъ», по словамъ нашего автора ²⁾, «вѣроученіе евреевъ и христіанъ, содержаніе *Торы* и *Евангелій*, превосходно изобразилъ ученіе *маннхеевъ* и всё что въ ихъ книгахъ написано о древнихъ религіяхъ». «Только по отношенію къ индійцамъ и буддистамъ его стрѣла уклонилась отъ цѣли и онъ увлекся книгой нѣкоего *Заркана* и перенесъ всё находившіяся въ ней свѣдѣнія въ свою книгу. Всѣ-же, что онъ помимо свѣдѣній, взятыхъ изъ *Заркана*, сообщаетъ объ этихъ двухъ вѣрахъ (т. е.

1) Котораго, кстати сказать, Бируни называетъ «наивнымъ».... стр. 100, 6 *الجاحظ* *بسلامة قلبه* правда, относительно географическихъ вопросовъ. Впрочемъ въ сравненіи съ Бируни Джахиизъ дѣйствительно часто кажется наивнымъ, но онъ вѣдь и жилъ за 200 лѣтъ до Бируни.

2) Стр. 4, 5—11.

индійской=*брахманской* и шаманійской=*буддійской*) какъ будто опирается на сообщенія какихъ нибудь простых¹⁾ людей этихъ двухъ вѣрѣ. Когда же учитель этотъ — да укрѣпить его Богъ — опять сталъ перечитывать (свои) книги и нашель, что дѣло обстоитъ въ нихъ въ изложенномъ видѣ, то онъ меня побуждалъ изложить письменно то, что я узналъ о нихъ, въ помощь тѣмъ, кто желаетъ съ ними препираться и въ пособіе тѣмъ, кто стремится имѣть сношенія съ ними. Онъ просилъ меня объ этомъ и я это сдѣлалъ. . . . »

Такимъ образомъ мы именно *Ираншехри* обязаны появленіемъ бируніевыхъ записокъ. Самыя похвалы, расточаемыя Бируни этому автору, заставляютъ насъ, конечно, горячо желать открытія его сочиненій, на что, впрочемъ надежды мало. Одинаково интересно было бы и отысканіе книги объ индійской и буддійской вѣрѣ *Заркана*, тоже совершенно еще неизвѣстнаго писателя. Но интереснѣе всего, что мотивомъ записыванія наблюдений Бируни является именно желаніе дать надежный матеріалъ для полемики съ одной стороны и для мирнаго общенія или бесѣды съ другой. Еслибы въ современной Бируни Европѣ могло появиться сочиненіе, посвященное изложенію чужой вѣры, то оно конечно могло бы имѣть только одну цѣль: раскрывать козни сатаны и предостерегать вѣрующихъ отъ разставленныхъ сѣтей его.

Изъ цитованныхъ мѣстъ, несомнѣнно ясно въ одномъ отношеніи формулированныхъ, можно было бы заключить, что въ книгѣ Бируни находятся свѣдѣнія какъ объ индійской (брахманской) религіи, такъ и о буддійской. На самомъ же дѣлѣ оказывается, что вся книга посвящена индійцамъ не-буддистамъ. Въ другихъ мѣстахъ Бируни совершенно ясно констатируетъ, что онъ всѣ свои мимоходныя и немногочисленныя сообщенія о Буддизмѣ беретъ изъ *Ираншехри*, хотя онъ и находитъ, что эти свѣдѣнія должны быть не вполне надежны²⁾. Бируни, значить, лично не имѣлъ случая изучать буддизмъ, о чемъ конечно приходится очень сожалѣть. Отмѣтимъ однакоже, что нашъ авторъ приписываетъ буддизму широкое распространеніе, говоря³⁾, что въ древности онъ преобладалъ въ Хорасанѣ, Фарсѣ, Иракѣ, Мосулѣ, до границъ Сиріи, и что онъ былъ вытѣсненъ изъ этихъ областей зороастровой вѣрой. Только въ Хорасанѣ онъ сохранился, и именно въ томъ об-

1) «Простыхъ» въ противоположность «ученымъ», посвященнымъ во всѣ тайны.

2) Стр. 124, 16—18: «Такъ какъ я не нашель ни одной книги буддійской и ни одного буддиста, у котораго я могъ бы вывѣдать ихъ ученіе, то я, когда говорю о нихъ, дѣлаю это, опираясь на Ираншехри, хотя и думаю, что его сообщенія не основательны или получены отъ лица неученаго».

3) Стр. 10, 18 -- 11, 2.

стоятельствѣ, что въ Хорасанѣ, странѣ ближайшей къ Индіи, господствовалъ буддизмъ, нашъ авторъ видитъ одну изъ причинъ, почему индійцы, ненавидѣвшіе буддизмъ, такъ старательно сторонились отъ всякаго общенія съ западомъ. Набѣги мусульманскихъ завоевателей затѣмъ только усилили это отвращеніе ¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ онъ опять, правда, не какъ свое личное мнѣніе, а съ оговоркой «говорять», выставляетъ Зороастра ²⁾ сознательнымъ оппонентомъ буддизма. Этотъ взглядъ во всякомъ случаѣ заслуживаетъ вниманія и, пожалуй, даже совершенно правиленъ, если на мѣсто полумифическаго Зороастра поставить сассанидскую религиозную реформу. Весьма возможно и даже вѣроятно, что эта реформа была именно сознательной реакціей противъ преобладанія въ Иранѣ чужой вѣры буддистовъ ³⁾.— Но мы бы никогда не кончили, если бы стали приводить всѣ интересныя или важныя мѣста бируниевой книги. Они скоро сдѣлаются доступными въ переводѣ всѣмъ неарабистамъ. Переводъ достойнымъ образомъ увѣнчаетъ труды берлинскаго профессора, посвященные великому хивинскому астроному. О трудностяхъ, которыя пришлось преодолѣть издателю, краснорѣчиво говоритъ длиннѣйшій указатель индійскихъ словъ въ латинской транскрипціи, приложенный къ тексту и обнимающій 45 страницъ въ два столбца. Если и окажутся со временемъ кое-гдѣ въ изданіи текста или въ переводѣ мелкія недоразумѣнія и неточности ⁴⁾, свойственныя всякому человѣческому дѣлу, то онѣ ни въ какомъ случаѣ не причинятъ серьезнаго ущерба этой въ полномъ смыслѣ слова капитальной работѣ, приносящей величайшую честь обширной эрудиціи, критическому умѣнью и неустанному трудолюбію Эдуарда Сахау.

---

1) Стр. 11, 3, 6, 12.

2) Стр. 44, 11—12.

3) Бунтъ Маздака въ такомъ случаѣ, быть можетъ, происходилъ не безъ вліянія буддійскихъ идей.

4) Языкъ Бируни весьма своеобразенъ и требуетъ старательнаго изученія, даже независимо отъ обилія индійскихъ терминовъ.